

УДК 130.2:27

ББК 86.37

Ш – 33

Швачкина Людмила Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальные технологии социально-гуманитарного факультета Южно-Российского Государственного университета экономики и сервиса, т.: (86362)22037

ИДЕЯ ГУМАННОСТИ В ХРИСТИАНСТВЕ: ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ

(рецензирована)

Автор рассматривает истоки и трансформацию гуманности в иудейско-христианской традиции. Ссылаясь на первоисточники, автор показывает, что в иудейской традиции гуманность ограничена национальным приоритетом «избранного» народа и только в христианстве гуманность – фактически жертвенная любовь, основанная на закреплении абсолютной ценности любой Личности вне зависимости от социальной и национальной принадлежности.

Ключевые слова: гуманность, иудаизм, христианство, любовь, сострадание, традиция.

Shvachkina Ludmila Alexandrovna, Candidate of Philosophy, associate professor of the Department of Social Technologies of Social Humanities Faculty of the South-Russian State University of Economics and Service, tel.: (86362) 22037

THE IDEA OF HUMANITY IN CHRISTIANITY: ORIGINS AND NATURE

(Reviewed)

The author examines the origins and transformation of humanity in the Judeo-Christian tradition. Referring to the primary sources, the author shows that in the Jewish tradition humanity is limited by the national priority of "chosen" people and only in Christianity, humanity - in fact, is a sacrificial love, based on consolidating the absolute value of any individual regardless of social or national origin.

Key words: humanity, Judaism, Christianity, love, compassion, tradition.

Христианство выступает не просто самой крупной мировой религией по ареалу распространения и охвату разных этнических и социальных традиций и эпох, но и по

самому своему существу как специфический *опыт индивидуального и коллективного сознания*, как его *исторически преходящее формообразование* данная религия является высшей в разворачивании религиозной формы культуры как таковой. Когда в данном случае мы говорим «высшей» ни в коем случае не следует это трактовать как оценочное суждение по типу «хорошо» или «плохо». Высшая форма – это не значит, что другие религиозные традиции в чем-то или в целом «недоотягивают» до христианства. Современный мир – это суперсложный организм, в котором одновременно сосуществуют сотни голосов разных культур, ценностей, смыслов, стратегий, точек зрения, уникальных «жизненных миров» и опытов. Все достижения человеческой цивилизации, все колоссальное богатство человеческой культуры, накопленное за многие тысячелетия, - все это имеет равное право на существование и, собственно, существует именно так, что весь мир, человек, природа, история рассматриваются в *своей* индивидуальной системе мировоззренческих координат. В этом отношении и христианство занимает *свое* место в истории культуры, духовности, наряду с буддизмом, индуизмом, даосизмом и т.д.

Однако, с точки зрения единства мирового цивилизационного опыта, с позиций историософской и культурологической аксиологии, т.е., другими словами, с позиций культурно-исторического универсализма, всеобщего измерения исторического разворачивания социально-антропологического опыта христианству принадлежит совершенно особая роль, которую подчеркивали все крупнейшие мыслители Средневековья, Нового и Новейшего времени, начиная с Августина и заканчивая Фуко и Хабермасом. Именно христианство как определенный религиозный опыт человека и культуры полагает универсальное измерение в качестве *налично* представленного, в котором оказались тождественными «ноуменальное» и «феноменальное», метафизическое и конкретно-историческое. Именно в христианской культуре абсолютным образом закрепляется *личностная* форма социального бытия: человеческая свобода получает определенность и достоверность не просто как голый произвол или случайность, а как выбор и определение уникальности *моей* свободы через опосредствование в трансцендентном и абсолютном. И поэтому проблема гуманности не просто получает свое «одно из многих...» разрешений, а принимает собственную форму как позиция (диалог или полилог) *отношения одной свободной и самосознательной личности по отношению к Другой такой же*. Христианская

гуманность основана именно на закреплении абсолютной ценности Личности, тогда как социальные структуры, государство и т.д. уходят на второй план. Если в предшествующих культурных традициях (на Востоке и в Передней Азии) универсальное не было представлено на уровне практики, и сама идея гуманности лишь приближалась к имманентно всеобщей форме, то в христианстве эта проблема получает свое решение таким образом, *что чистая определенность (форма) личности как таковая* (по образцу Троичного Бога) сообщает всякой деятельности момент свободы. Любовь к животным и растениям (в восточных религиях) при всей своей гуманности сохраняет в себе отношение необходимости, зависимости. В нем гуманность не выделена как свободный и осознанный бытийный акт личности. Дохристианская гуманность еще значительно погружена во *внешнее* – то есть в установления традиций, власти, старейшин, предков, матери-природы и т.д. Иными словами, такая гуманность всегда оставалась привязанной к какому-то *конкретному* содержанию. И универсальное измерение такой культурной практики было определенным образом закодировано в некой отдаленной *перспективе*, данной не здесь и не теперь, а как сакрализованные «начало» и «конец» деятельности (например, в буддизме или индуизме идея перерождения, судьбы и пр.). Такая цель гуманности носит еще абстрактный характер – почитание природы, недеяние и пр. В ней не видно личности. Христианство же впервые говорит о любви к конкретному человеку и от Лица конкретного человека. Гуманность и милосердие становится не традиционно заданной схемой поведения или мышления, а объективированием и закреплением моей свободы; любовь и есть отношение двух свободных субъектов, двух сердец. Сам Бог и есть абсолютный образец любви! Гуманность среди людей, милосердие в обществе как любовь к ближнему есть лишь отражение *любви Бога к человеку*. В рамках христианской культуры формируется субъективная форма социокультурного кодирования всякой деятельности.

Для того чтобы лучше понять принципы христианской гуманности проанализируем сначала предпосылки ее становления в иудейской традиции. Будучи первым в истории мировой культуры прецедентом теизма и монотеистической веры, иудаизм прошёл длительный путь развития, разделяемый обычно на четыре периода – библейский, талмудический, раввинистический и реформационный. Отправным пунктом на этом пути считают конец второго тысячелетия до н. э., когда в рамках

языческих представлений о покровителях природных объектов началось вызревание монотеистических воззрений, завершившееся через несколько столетий конституированием Яхве в качестве единого Бога. К священным книгам иудаизма относятся Тора, Пророки и Писание, вместе составляющие Танах. Центральное положение среди них занимает Тора, включающая в себя пять библейских книг – Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Если Танах составляет основу вероучения иудаизма, то практика культа и сфера социальных отношений регулируются с помощью Талмуда, представляющего собой собрание интерпретаций Торы.

Согласно Ветхому завету, представляющему собой христианскую адаптацию Танаха, родоначальником еврейского народа был Авраам, который своей праведностью обратил на себя внимание Бога. Когда потомки двенадцати сыновей его внука Иакова (Израиля) оказались в египетском плену, Бог помог им обрести свободу, с тем чтобы они могли служить ему. Между людьми и Богом было заключено своего рода соглашение (завет), предполагающее взаимные обязательства сторон. Со стороны Бога предполагалось покровительство людям, а со стороны людей – распространение по всему миру его учения, нашедшего концентрированное выражение в десяти заповедях. Эти заповеди – «Не убивай», «Не прелюбодействуй», «Не кради» и др. [1] – стали известны людям через пророка Моисея.

Акцентирование внимания не столько на фундаментальной, сколько на прикладной теологии обуславливает развитие и дифференциацию этической системы иудаизма. Будучи исторически первой формой теизма, иудаизм в то же время отличается не индивидуальной, а коллективной верой. Его интересует не столько внутреннее состояние души человека, сколько воспроизведение им поведенческого канона, основанного на вере. Кроме того, иудаизм исходит из положения предрасположенности человека к злу, которая по мере его нравственного совершенствования вытесняется склонностью к добрым делам. Поскольку мотивация человеческой деятельности отступает на задний план, особое значение в нём приобретает не столько душевный импульс поступка, сколько его объективное содержание. Так, для иудаизма большее значение имеет реальная помощь нуждающимся, а не эмоциональное сострадание со стороны тех, кто её оказывают. Этический кодекс иудаизма основывается на положении об универсальности

морального долженствования, которая вытекает из монотеистического принципа единственности Бога. Десять заповедей, записанных Богом на каменных скрижалях, образуют только его основание, над которым возвышаются законы Моисея, а также многочисленные предписания Талмуда.

Десять заповедей, составляющих основу иудаистской этики, представляют собой моральные требования, которые имеют предельно общий характер. Давая человеку общее направление деятельности, они служат основанием для более частных норм поведения, которыми являются законы Моисея. Эти законы ассоциируются обычно с именем Моисея, хотя их формулировки приписываются в Ветхом завете самому Богу. Законы Моисея устанавливают ответственность людей за те нарушения заповедей Бога, которые встречаются в их повседневной жизни. Иными словами, они играют роль правовых норм, хотя и облекаются в форму религиозных требований. Одним из тех наказаний, которые предусматриваются законами Моисея, является смерть. Согласно Ветхому завету, ей предаются люди, которые посягают на жизнь других людей, неуважительно относятся к своим родителям, занимаются колдовством, имеют сексуальные отклонения или поклоняются новым богам. Однако законы Моисея предусматривают ещё более суровое наказание, чем смерть. Этим наказанием является гнев, который Бог обрушивает на тех, кто игнорируют его призывы к милосердию. Поскольку он распространяется не только на человека, нарушившего закон, но и на несколько будущих поколений, в иудаизме его считают страшнее смерти.

Значительная часть законов Моисея может рассматриваться как адаптация к конкретным жизненным ситуациям общих нравственных принципов, сформулированных в десяти заповедях. Так, шестая заповедь предостерегает людей от совершения убийства. Но что делать с тем, кто совершил убийство? И должно ли наказание за умышленное убийство отличаться от того, которое совершено неумышленно? Ответы на эти вопросы мы можем найти в одном из законов, который устанавливает наказание для убийцы («да будет предан смерти»), но в то же время даёт возможность спастись тому, кто совершил его неумышленно. Если убийство совершено намеренно, то никакой возможности уйти от наказания у убийцы нет: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти; но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место,

куда убежать [убийце]; а если кто с намерением умертвит ближнего коварно [и прибежит к жертвеннику], то и от жертвенника Моего бери его на смерть» [1, Исх.21:12-14]. Однако законы, касающиеся сострадательного отношения к нуждающимся, трудно соотнести с той или иной заповедью. В них Бог, называющий себя милосердным, требует и от людей выказывать милосердие по отношению к пришельцам, вдовам, сиротам и бедным.

Особое отношение в Ветхом завете к пришельцам (чужестранцам) объясняется тем, что древние евреи сами были «пришельцами в земле Египетской», откуда их и вывел Моисей, направляемый Богом. Апеллируя к исторической памяти Моисея и его соплеменников, Бог потребовал от них не притеснять и не угнетать пришельцев: «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской» [1, Исх.22:21]. В любом обществе, в том числе и древнееврейском, символом беспомощности перед лицом социальных проблем являются вдовы и сироты. Поэтому Бог требует от людей, чтобы они не притесняли ни вдов, ни сирот: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте...» [1, Исх.22:22]. Тех, кто ослушаются его, ждёт гнев Божий и лютая смерть, так что их жёны станут вдовами, а дети – сиротами [1, Исх.22:22-24]. Наконец, Бог требует проявлять сострадательное отношение к бедным, т. е. не допускать роста денег, которые были даны им взаймы, а также возвращать до захода солнца их одежду, взятую в залог. Гарантом того, что голос обиженных будет услышан, является его собственное милосердие [1, Исх.22:25-27]. Таким образом, милосердие рассматривается в иудаизме как атрибут Бога, который и от людей требует сострадательного отношения к нуждающимся.

Гуманность реализуется в иудаизме и в такой форме, как выкуп пленных, который является обязательным для еврейской общины. В Ветхом завете Бог называет людей своими рабами, которых он вывел из египетского плена. Поэтому «не должно продавать их, как продают рабов» [1, Лев.25:42]. Если человек окажется в рабстве, то кто-нибудь из братьев «должен выкупить его» [1, Лев.25: 47-48].

Во все исторические периоды евреи считали своим первейшим долгом выкуп пленных, а также проданных в рабство соплеменников. На это шли средства, предназначенные для благотворительных целей и даже для постройки синагог. Считалось, что выкуп пленных важнее обеспечения бедняков пищей и одеждой, поскольку находящийся в плену страдает от голода, жажды, зачастую ужасных

санитарных условий, унижения, а также нередко подвергается смертельной опасности. Поэтому средства, собранные для определённой цели (например, в качестве приданного бедной невесте), в случае необходимости могут быть переадресованы на выкуп пленных. Существуют строгие критерии, касающиеся того, кого из пленников следует выкупать прежде всего (например, женщину раньше мужчины в силу угрозы изнасилования), но они допускают исключения.

Этические принципы иудаизма, включающие в себя заповеди и законы, подразделяются на две группы, первая из которых касается отношений между людьми, а вторая – между людьми и Богом. Богоподобность человека заключается в способности различать добро и зло, а также в возможности делать моральный выбор и свободно следовать добру. Из соглашения, заключённого между людьми и Богом, следует, что праведность человека заключается в прославлении имени Божьего, а неправедность – в осквернении его. Таким образом, следование этическим принципам в иудаизме имеет по существу обязательный характер, хотя и идея морального выбора в нём не отрицается. При этом оно рассматривается как моральная ценность, которая выражает приоритет исполнения долга перед благородным поступком, совершённым спонтанно. Согласно иудаизму, тот, кто обязан и делает, нравственно выше, чем тот, кто не обязан, но делает. Так, благотворительная деятельность, представляющая собой практическое выражение гуманности, в иудаизме строго регламентируется. Тора предписывает состоятельному человеку отдавать в пользу бедных десять процентов своего дохода каждые три года, а Талмуд – каждый год. В еврейских общинах обнародование сведений о благотворительной деятельности является нормой, а приоритет отдаётся таким её формам, которые направлены на повышение степени самостоятельности людей, нуждающихся в помощи.

Иудаизм стал первой религией, давшей обоснование благотворительности, которая помогала еврейскому народу в исключительно сложных условиях сохранить себя как целое. Действие традиционного механизма помощи нуждающимся, сложившегося во времена первобытности, усиливалось в нём заповедями Бога, который призывал людей к милосердию. Таким образом, иудаизм вплотную приблизился к собственной всеобщей форме культурного универсализма, но вместе с тем, иудейская традиция осталась в себе еще ограниченной – универсальное было проинтерпретировано в ней как богоизбранное, как национальное (этот же момент

свойственен и исламу). Говоря о том, какое место занимает гуманность в идеологии иудаизма и его социально-исторической практике следует отметить, что в ней очень силен был момент поиска «земной» социальной справедливости, исторической «правды». Такое милосердие остается словно неизбежной мечтой, ревнивым историческим чаянием. Поэтому в иудейской традиции гуманность и равенство оказываются вещами несовместимыми. Равные перед Богом – это именно евреи, но не все человечество. Равенство всеобщее лишь только должно наступить. Но наступит ли оно? Это вопрос остается для иудеев открытым. Об этом хорошо написал Н.Бердяев: «Дело в том, что в этом напряженном еврейском стремлении к осуществлению правды на земле, земной справедливости и земного блага есть не только какое-то истинное и религиозно оправданное начало, но есть поистине, и какое-то ложное богоборческое начало, есть нежелание принять предначертания Божьей судьбы, есть противление Богу и божественному миропорядку, есть человеческий произвол, утверждающий, что судьба людей и народов, как она складывается в истории и жизни мира по Божьей воле и по какому-то неисповедимому и непонятному для нашего человеческого разума смыслу, может быть противопоставлено человеческое понимание справедливости и человеческое понимание правды, которая должна быть осуществлена здесь, на земле...» [2, с. 73].

Иудаизму свойственно неприятие униженности, нищеты, несправедливости и т.д. Но если в других культурах такое неприятие вызывает желание помочь, то здесь речь идет о *борьбе*. Собственно, гуманность здесь оказывается скорее средством, нежели целью. Кроме того, в иудейском историософском сознании проблема гуманности наталкивается на такой краеугольный аспект религиозной картины мира как *ревнивость и жестокость самого Бога (Яхве)*. Содержание Ветхого завета, отражающее во многом историю отношений еврейского народа с Богом, свидетельствует о том, что Творец не так уж и милостив и готов жестоко наказывать своих чад за малейшее ослушание своего завета.

Возникнув в I в. в рамках иудаизма, христианство восприняло многие его идеи, хотя и подвергла их существенной переработке. Одной из этих идей было милосердие, а объектами его особого внимания, как мы указывали выше, были пришельцы, вдовы, сироты и бедные, которые служили для иудеев символом беспомощности перед лицом внешних проблем. Однако христианство не просто возродило идею гуманности и

милосердия, но вознесло ее на совершенно новый уровень в виде учения о жертвенной любви, выступающей в качестве сущности Бога.

Понятие любви всегда было в центре внимания философии, которая определяет его как культурную универсалию субъектного ряда, фиксирующая в своём содержании интимное чувство, характеризующееся индивидуальной избирательностью, направленностью на свой предмет и объективируемостью в стремлении к нему [3, с. 588]. В зависимости от формы проявления любви древнегреческие философы выделяли четыре её типа, хотя ни один из них не существует в чистом виде. Любовь как страсть, предмет которой может иметь не только телесную, но и духовную природу, обозначалась ими словом «эрос», любовь как дружба – словом «филия», любовь как привязанность – словом «сторге», а любовь как жертва – словом «агапе». Христианство акцентировало внимание именно на жертвенной любви, усмотрев в ней желаемый тип отношений между человеком и Богом, а также между самими людьми.

Сравнивать объёмы понятий любви в иудаизме и христианстве практически невозможно, однако можно сравнить сферы их применения. Иудаизм ограничивал сферу применения любви, исключая из неё врагов, которых следует ненавидеть, а не любить. Он руководствовался принципом талиона, согласно которому мера наказания за преступление должна воспроизводить вред, принесённый им. Этот принцип, выражаемый формулой «око за око, зуб за зуб», был воспринят исламом, но отвергнут христианством. П. Полонский полагает, что в выражении «око за око, зуб за зуб» речь идёт не о мести, а о соответствии меры наказания тяжести совершённого преступления. Более того, ни в еврейских текстах Библии, ни в высказываниях мудрецов он не находит призыва ненавидеть врага, тогда как о любви к ближнему в них говорится очень много [4]. Но в то же время Бог Яхве, называя себя «милосердным» в случае неисполнения его требований гарантирует следующее: «И возгорится мой гнев, и Я убью вас мечом, и будут ваши жены вдовами, а ваши сыновья сиротами» [1, Исх. 2:23-24]. Христианство, наоборот, руководствуется принципом всеобщей любви, причем Иисус дополняет закон любви своей заповедью: «Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» [1, Ин.13:34], то есть человек должен так относиться к другим людям, как к ним относится Бог. Объектом любви в христианстве оказывается любой человек, который находится рядом, даже если он

является врагом. В своей Нагорной проповеди Иисус Христос возражал тем, кто призывали людей ненавидеть их врагов. Только те, полагал он, кто любят своих врагов, могут быть названы «сынами Отца нашего Небесного» [1, Мф. 5:44-45]. Именно любовь к врагам является критерием духовного единения человека с другими людьми. Именно за такую любовь Бог награждает нас. Поэтому, даже если П. Полонский прав в своей критике «фальсификации еврейской этики», несомненным остаётся то, что иудаизм не призывает людей любить их врагов.

Понятие любви в христианстве отличается не только неограниченностью сферы применения, но и содержанием отличающимся от иудаизма. Согласно христианству, любовь является способностью человека пожертвовать собой во имя спасения других. Данная способность исходит от Бога, который принёс в жертву своего сына. По словам апостола Иоанна, Бог так возлюбил мир, что отдал своего единородного сына, чтобы ни один человек, «верующий в него, не погиб» [1, Ин.3:16]. Мы уже отмечали, что понимание любви как жертвы («агапе») является изобретением древнегреческих философов, однако никогда жертвенной любви не придавалось такого большого значения как в христианстве. Именно здесь любовь была направлена на тех, от кого невозможно получить никакой выгоды – на обездоленных, изгнанных.

Поскольку любовь выступает в качестве сущности Бога, она занимает центральное положение в христианстве. Апостол Иоанн прямо утверждает, что «Бог есть любовь» [1, Ин.4:16]. Десять библейских заповедей, сформулированных в иудаизме, были сведены Иисусом Христом только к двум, общей темой которых является любовь. В первой из этих заповедей, составивших основу христианского учения, говорится о любви к Богу, а во второй – о любви к ближнему, т. е. ко всем людям. Подчёркивая связь своих заповедей с ветхозаветным декалогом, Иисус Христос говорил, что на них «утверждается весь закон и пророки» [1, Мф. 22:37-40]. Между тем христианство не просто заимствовало у иудаизма идею милосердия, а связало её со своим пониманием любви. Поскольку милосердие является готовностью помочь нуждающимся, своё практическое выражение оно находит в благотворительной деятельности. Напомним, что в иудаизме, например, необходимость помощи нуждающимся связывалась с волей Бога; в буддизме, индуизме и конфуцианстве – с самосовершенствованием личности, которая должна была постигнуть гармонию мира. Существование этой гармонии, несовместимой с

различными проявлениями зла, предполагалось восточной культурной традицией, а милосердие иудейского Бога не обосновывалось в Пятикнижии Моисея, а только постулировалось им. В христианстве же мы впервые встречаемся с теорией благотворительности, в которой устанавливается связь между милосердной деятельностью и жертвенной любовью. Получив теоретическое обоснование в виде христианского учения о любви и милосердии, благотворительная деятельность стала принимать систематический характер.

На наш взгляд, в аспекте проявления гуманности христианская традиция есть исторически наиболее развитая форма религиозного сознания. Христианство вообще в своем опыте развило *всеобщую форму религиозности как таковую*. Христианство *в принципе* сообщает религии как культурной форме, как формообразованию опыта сознания, ее имманентное существо. Христианскую традицию следует рассматривать как высшую в смысловом отношении, т.е. в строгом историческом отношении, отвечающем требованиям философского анализа культуры. В христианской культуре абсолютным образом закрепляется *личностная* форма социального бытия: человеческая свобода получает определенность и достоверность не просто как голый произвол или случайность, а как выбор и определение уникальности *моей* свободы через опосредствование в трансцендентном и абсолютном. Поэтому проблема гуманности не просто получает свое «одно из многих...» разрешений, а принимает собственную форму как позиция (диалог или полилог) *отношения одной свободной и самосознательной личности по отношению к Другой такой же*. Христианская гуманность основана именно на закреплении абсолютной ценности Личности, тогда как социальные структуры, государство и т.д. уходят на второй план.

Литература:

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: в рус. переводе с параллельными местами и прил. М., 2001. В дальнейшем ссылки на этот источник будут даваться в тексте с указанием на соответствующую главу и страницы.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
3. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.; Минск, 2001.

4. Полонский П. Евреи и христианство. Несовместимость двух подходов к миру [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.kiev.ua> (дата обращения: 16.08.2009).